

Любить не себя в искусстве,
а искусство в себе.

К. С. Станиславский

Станиславский и мировой театр

ЗАВТРА — большой день в истории мирового театра. В этот день, как свой личный праздник, актеры и режиссеры всех стран мира торжественно отметят столетие со дня рождения гениального реформатора русской сцены Константина Станиславского.

«Самому большому человеку русского и мирового театра», — написал в свое время на фотографии, подаренной Станиславскому, знаменитый французский артист Фирмен Жемье. Эта надпись была сделана в конце прошлого века.

С тех пор на протяжении более чем полувека мировой театр развивался под могучим и благотворным влиянием театральных идей Станиславского. Его книги тщательно изучаются, его метод официально декларируется многими театрами Европы, Америки и Азии как творческая программа. Крупнейшие ре-

жиссеры и актеры мировой сцены называют себя его учениками...

В дни гастролей в Москве удивительного японского театра «Кабуки» я встретился с одним из его замечательных актеров Итикава Энноске Вторым, который покориł москвичей своим проникновенным и глубоко реалистическим по духу исполнением трагической роли в старинной пьесе об опальном мудреце Сюнкане. Передо мной стоял семидесятилетний патриарх японской сцены. Сумеет ли понять друг друга мы, люди столь различных, казалось бы, театральных систем и социальных миров?

— Я очень благодарен вашему театру, — неожиданно сказал Итикава Энноске. — Вы дали нам Станиславского!

Имя Станиславского стало для нас паролем дружбы, и мы прекрасно

провели вечер, отлично понимая друг друга.

Другая встреча. Мы беседуем с одним из самых правдивых, гуманных и поэтичных актеров современного театра итальянцем Эдуардо де Филиппо. Я говорю ему о том, как близко к Станиславскому его человеческое искусство.

— Станиславский и есть сама жизнь, — улыбаясь, отвечает Эдуардо. — И как сама жизнь, он живет в работе каждого настоящего артиста.

Мне много пришлось бывать в последние годы за рубежом, и где бы я ни был, с артистами и режиссерами каких бы стран ни беседовал, я всюду встречался со Станиславским.

ВЕНА. Театральная школа имени Макса Рейнгагарта. Директор школы доктор Ганс Нидерфюр, неожиданно взглянув на часы, прерывает нашу беседу.

— Извините, я должен идти: у меня сейчас начинается урок системы Станиславского...

ПЕКИН. Я в доме великого китайского актера Мэй Лань-фана, умершего в этом году. Тогда 64-летний Мэй Лань-фан еще вдохновенно играл на сцене роли молодых девушек и женщин. На стене его дома рядом с картинами знаменитых китайских художников висела большая фотография, на которой хозяин дома был снят рядом со Станиславским.

— Я перечитываю книги Станиславского каждый год, — сказал Мэй Лань-фан. — Это мой учитель.

Как же он был рад, когда мы рассказали ему о том, что Станиславский, видевший Мэй Лань-фана во время его гастролей в Москве, часто вспоминал его виртуозное искусство, советуя своим ученикам учиться пластической вы-

разительности и музыкальности у, казалось бы, столь далекого от него по форме волшебника китайской сцены...

ПАРИЖ. Мы сидим за столиком кафе с Марселем Марсо и его артистами. Речь идет о законах и путях благородного искусства — искусства пантомимы.

Конечно, я иду прежде всего от нашей французской народной национальной традиции, от нашего площадного Пьеро, — говорит Марсо, — и еще мне много подсказывают приемы китайской оперы и, конечно же, ваш Станиславский...

Великая общность и братство искусств. Как не поражаться ей снова и снова!

И как радостно, что сегодня в зарубежном театре есть немало здоровых, прогрессивных сил, которые честно и мужественно ведут своего зрителя по «ступеням большой лестницы» Станиславского ввысь, к борьбе за лучшую, справедлившую жизнь.

Это театр Бертольда Брехта, несмотря на все различие в понимании формальной стороны театрального искусства, братски близкий в своих главных философских началах учению Станиславского. Это театр Вилара, Барсана и Барро, театр Эдуардо де Филиппо и Питера Холвисела, большая фотография, на которой хозяин дома был снят рядом со Станиславским. Я перечитываю книги Станиславского каждый год, — сказал Мэй Лань-фан. — Это мой учитель. Как же он был рад, когда мы рассказали ему о том, что Станиславский, видевший Мэй Лань-фана во время его гастролей в Москве, часто вспоминал его виртуозное искусство, советуя своим ученикам учиться пластической вы-

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка
СССР.

ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

Константин Сергеевич Станиславский, столетие со дня рождения которого отмечает цивилизованный мир, для нас — его учеников — человек и сегодня живой, любимый и великий учитель. Его роль реформатора русской сцены, поборника реализма, правды жизни, создателя и строителя Художественного театра переоценить невозможно. Его гений актера и режиссера переживет века. Его этическое учение художника важно не только для людей театра, но и для всех, кто творит для народа.

Я хочу очень коротко поделиться воспоминаниями, характеризующими Станиславского — актера, режиссера, учителя сцены.

День знакомства со Станиславским, отстоявший на много десятилетий от нынешней зимы, начался с предметного урока театральной эти-

ки. Меня только что приняли в труппу молодого тогда Художественного театра. Как-то утром я шла по декорационному сараю за сценой. И увидела Станиславского. Очень большой, красивый, он шел на цыпочках, едва касаясь пола, совершенно неслышно. Было странно видеть этого огромного человека почти летящим над землей — так легко он двигался. Поровнявшись со мной, он шепотом сказал: «Вы поняли, почему я так иду? Ведь рядом — сцена. И, может быть, там репетируют. Поэтому ничто не должно мешать тем, кто работает для театра. Поэтому вокруг должно быть очень тихо. Вы поняли?».

Первое знакомство со Станиславским мне многое объяснило, подготовило меня к дальнейшему: к резкому, нетерпимому отношению Константина Сергеевича ко

всякой, малейшей даже, неуважительности к работе актера; к его благоговейному, никогда не ослаблявшемуся вниманию ко всему, что касалось дела театра.

...Шла репетиция «Баладины» классика польской литературы Юлиа Словацкого. Мария Алексеевна Успенская и я играли эльфов. Внезапно Константин Сергеевич потребовал, чтобы мы... летели и встречались в воздухе. Передать нашу обескураженность, недоумение, испуг я не в состоянии и сегодня. Но он так увлеченно рассказывал нам, что для сказочных обитателей леса полет — естественное физическое состояние, что, наконец, мы прониклись ощущением легкости, надземности изображаемых существ. Конечно, Станиславский понимал, что Успенская и Гиацинтова летать не могут. Но его режиссерская выдумка,

мудрость и богатство фантазии, безжалостная требовательность достигли цели: исполнители должны были уловить суть образа, и тогда, как бы сам собой мог возникнуть характер эльфа.

Не рекомендовалось говорить «не знаю», «не понимаю», «не могу», а надо было пробовать, работать, искать до тех пор, пока найдешь хоть крупинку сценической правды.

Список ролей самого Станиславского очень велик. Тонкий психологизм пьес Чехова, накал страстей трагедии Шекспира, юмор Мольера, гражданственность Горького, насмешка и сарказм Грибоедова, человечность Ибсена, свет бессмертной мысли Пушкина — не было, кажется, на земле актера столь широкого диапазона, столь необъятных сценических интересов, столь неограниченных возможностей. В каждом своем слове и каждом поступке Станиславский представлял великим учителем. Его уроки, его пример учили преданности искусству, чистому, бескорыстному и самозабвенному отношению к театру, как к главному делу жизни артиста.

Москва. Завтра исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося русского режиссера и актера К. С. Станиславского. По решению Всемирного Совета Мира эта дата широко отмечается во всех странах.

На правом снимке: Дом-музей К. С. Станиславского.

С интересом знакомятся посетители Дома-музея с экспозицией, рассказывающей о жизни и творчестве выдающегося театрального деятеля.

Фото Э. Евзерикина.
Фотохроника ТАСС.

